

(к вопросу о взаимодействии смежных близкородственных онимичных полей)" (1994), в которой не учтены относящиеся к этой проблематике статьи А.В. Барандеева и Г.К. Валеева [Барандеев 1981; Валеев 1988].

Интересный, иногда даже парадоксальный, фактический материал в оригинальной авторской аранжировке (статьи напечатаны на русском, украинском и немецком языках) компенсирует те трудности восприятия, которые возникают у читателя из-за несколько тяжеловатого стиля изложения, так как автор, стремясь к точности и однозначности выражения, пользуется, возможно не всегда оправданно, большим количеством не стабилизировавшихся терминов.

Книга, выпущенная издательством "Донецчина", в целом радует хорошим оформлением, хотя размещение начала каждой статьи обязательно на нечетной (правой) странице породило немало пустых четных (левых) страниц, что выглядит несколько непривычно и неоправданно.

Есть некоторое количество опечаток, а также недостатков, связанных с компьютерным набором, из которых отметим два.

Статья «Топонимическая метонимия (вид связи "гидроним — ойконим")», впервые напечатанная в 1980 г. [Перспективы... 1980], воспроизведена в "Избранных трудах" без подстрочных примечаний, которые должны были быть напечатаны в конце статьи, но были утрачены при компьютерной верстке.

Можно также отметить несовпадение нумерации ссылок на литературу в статье о гидрониме *Каяла* и в списке литературы при этой статье.

Любопытно отметить, что из 39 статей сборника 3 относится к 60-м годам, 9 — к 70-м, 12 — к 80-м, а 15 — к 90-м, что служит ярким показателем возрастания творческой активности автора. Если к тому еще добавить, что под ответственной редакцией

Е.С. Отина начиная с 1994 года почти ежегодно выходит "Востоčnoукраинский лингвистический сборник" (в 1999 году вышел его пятый выпуск), где в каждом из вышедших пяти выпусков Е.С. Отину принадлежит от одной до четырех статей, то приходится только радоваться столь большой работоспособности автора и пожелать ему дальнейших успехов.

"Избранные работы" Е.С. Отина в представленном виде демонстрируют и широту научных интересов ученого и глубину его проникновения в суть рассматриваемых проблем, но все же не исчерпывают всей его разносторонности, что могло бы быть отражено в библиографии его трудов (желательно аннотированной), которой явно не хватает в этом издании. Так что хотелось бы выразить надежду, что такая библиография будет приложена к другому сборнику работ Е.С. Отина, и в нее войдут в том числе и его разыскания о проникновении арготических слов в русское просторечие, печатающиеся под общим названием "Материалы к словарю субстандартной лексики" в "Востоčnoукраинском лингвистическом сборнике".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барандеев А.В. 1981 — Ильмень и лиман // РР. 1981, № 6.
Валеев Г.К. 1988 — Откуда "пришли" Ильмены // РР. 1988, № 5.
Отін Є.С. 1977 — Гідроніми Східної України. Київ. Донецьк, 1977.
Отин Е.С. 1996 — Из коннотативного словаря русских онимов (буква Ф) // Востоčnoукраинский лингвистический сборник. Вып. 2. Донецк, 1996.
Перспективы... 1980 — Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.

И.Г. Добродомов

L.N. Zybatow. Russisch im Wandel. Die russische Sprache seit der Perestrojka. Harrasowitz-Verlag: Wiesbaden, 1995, 350 S.

Процессы, происходящие в русской речи последнего десятилетия и затрагивающие нормы литературного языка, привлекают к себе пристальное внимание филологов-русистов. Результатом такого профессионального анализа изменений в русской литературной речи явился ряд солидных

публикаций последних лет, например, коллективная монография о русском языке конца XX столетия [РЯКДС 1996] или вышедшая уже вторым изданием работа В.Г. Костомарова [Костомаров 1994; 1997]. Ряд работ опубликован за рубежом. Одной из них является книга профессора Биле-

фельдского университета (ФРГ) Л.Н. Цыбатова, посвященным изменениям в публицистическом стиле русского литературного языка, в массовом порядке заявившем о себе с конца 80-х гг. на страницах российской периодической печати.

Автор рассматривает язык российской прессы конца 80-х – начала 90-х гг., исходя из предположения о том, что в основе процессов, приводящих к изменениям в привычном инвентаре номинативных единиц (лексика и фразеология) публицистического стиля, отчасти в его синтаксисе, а также в характере и наборе используемых в нем текстовых жанров (Textsorten), лежат процессы изменения мыслительных и речевых стереотипов в самом широком смысле слова. Сразу же отмечу, что интерес к исследованию роли стереотипов, первоначально характерный для социальной психологии и социологии, распространившись впоследствии и на лингвистику, оказался чрезвычайно плодотворным, и рецензируемая работа подтверждает это. Именно теоретический подход Л.Н. Цыбатова к языку российской прессы и осмысление языкового материала на этой основе прежде всего и делают его книгу интересной для российского читателя.

Общетеоретические позиции автора обоснованы им в главе I «Стереотип, слово и текст», которая посвящена использованию понятия «стереотип» в различных гуманитарных науках. В ее первом разделе рассматривается понятие стереотипа в социальной психологии, социологии, герменевтике, культурологии и литературоведении. При этом стереотип в применении к языковому материалу понимается Л.Н. Цыбатовым как традиционное стабильное обобщение относительно некоторого X, на которое пользующийся данным языком опирается при восприятии и производстве языковых высказываний (с. 23–24). Во втором разделе разбирается соотношение понятия стереотипа как концептуальной величины и лексического значения как лингвистической величины. Автор подчеркивает, что между этими понятиями нет взаимнооднозначного соответствия и что существуют минимум четыре вида стереотипического «прочтения» языковых выражений. Основываясь на этом положении, он предлагает уточненное понимание стереотипа как стабильного обобщения относительно некоторого X, которое ментально представлено приписыванием X определенных свойств (с. 52), и считает необходимым различать четыре вида языковых стереотипов. К ним относятся: 1) с е м а н т и ч е с к и е с т е р е о т и п ы (Bedeutungsstereotypen), отражающие

свойства, которые присущи концептам категорий и определяют их семантическое значение (*чайка – вода*); 2) а с с о ц и а т и в н ы е с т е р е о т и п ы (Assoziationsstereotypen), представляющие собой выражаемые в форме предикаций типичные для данного общества представления (Erwartungshaltungen) о членах категории X; они могут соотноситься, например, с терминами родства и обозначениями социальных в широком смысле групп (*теща, немец, русский, интеллигенция*), а также некоторых предметов (*море, дом, автомобиль*); 3) и н т е р п р е т а ц и о н н ы е с т е р е о т и п ы (Interpretationsstereotypen), выражающиеся в приписывании некоему X свойств, вызывающем зависимое от дискурса понимание политических или социокультурных понятий либо предпочтительную интерпретацию многозначного слова (*свобода, демократия, перестройка*); 4) м е т а ф о р и з а ц и о н н ы е с т е р е о т и п ы (Abbildungstereotypen, буквально – «стереотипы отражения»), представляющие некое понятие X в свете другого, более близкого (*Европа как общий дом*).

Понятийный аппарат, разработанный в главе I, применен к анализу конкретного материала в главе II «Стереотипы и семантические изменения». Наиболее подробно рассмотрены изменения интерпретационных, метафоризационных и ассоциативных стереотипов, фиксированных в слове и его лексико-семантических связях. При этом автор совершенно справедливо исходит из известного положения о зависимости ключевых слов, обозначающих политические и социокультурные понятия, от политической ориентации дискурса, в котором они употребляются. Завершается глава разделом, в котором показывается, как стереотипы создаются и используются в тексте. Рассматривая стереотипные высказывания как оценочные суждения, Л.Н. Цыбатов приводит примеры их выражения с помощью первичных предикаций (предложения типа *Немцы – это великая нация*) и вторичных предикаций (атрибутивные словосочетания типа *трудолюбивые болгары*) и их эксплицитного и имплицитного использования. Интересен анализ индикаторов имплицитно выраженных стереотипов – ряда союзов и модальных частиц. В конце раздела детально разобран текст «Автостопом по Европам» с целью показать, какие именно стереотипы использованы журналистом на разных участках структуры текста и какую роль они играют при восприятии текста читателем.

Глава III «Прагматические изменения» посвящена изменениям, протекающим в языке политического дискурса на страницах российской прессы с конца 80-х гг. Автор рассматривает их с позиций теории Р. Келлера, согласно которой языковые изменения за небольшим исключением представляют собой спонтанный, непреднамеренный и неосознаваемый побочный эффект коммуникативной деятельности (с. 186). При этом он считает, что процессы, происходящие в современном русском языке, еще не позволяют говорить об изменениях языка в целом, а лишь являются разнообразными языковыми свидетельствами частных изменений, которые только могут закрепиться в будущем или снова исчезнут. Изменения в языке современного политического дискурса, особенно заметные на фоне газетного «новояза» советского времени, анализируются Л.Н. Цыбаковым в разделах, составляющих основную часть главы III (с. 213–283).

Для нужд научного описания этих процессов он предлагает концепцию языковых изменений, учитывающую прагматический аспект различных форм существования языка (*sprachliche Varietäten*) и текстовых жанров. Прилагая эту концепцию к анализу языкового материала, автор разграничивает два вида изменений, характерных для публицистического стиля русского языка наших дней: 1) м и к р о - и з м е н е н и я, к которым относятся случаи обогащения используемого журналистами словаря путем заимствования иностранных слов, создания новых слов с помощью различных способов словообразования и использования субстандартных лексики и фразеологии и отдельных синтаксических структур, и 2) и з м е н е н и я т е к с т о в ы х ж а н р о в, проявляющиеся в изменениях их коммуникативных деятельностных стереотипов, что выражается в смешении текстовых жанров (*Textsortenmischung*) и возникновении новых текстовых жанров (*Entstehung neuer Textsorten*). Как и в предыдущих главах, наряду с русским материалом привлекаются тексты из болгарских, польских и чешских газет, свидетельствующие о протекании аналогичных процессов и в публицистическом стиле других славянских литературных языков.

В заключение автор подчеркивает, что его исследование представляет собой своеобразный моментальный снимок современного состояния русского языка и претендует лишь на выявление отдельных направлений происходящих в нем изме-

нений, дальнейший ход которых, впрочем, сейчас не предсказуем. Завершают книгу библиография, дающая достаточно полное представление о состоянии разработки интересующих автора вопросов к середине 90-х гг., и приложение, содержащее образцы текстовых жанров, характерных для российской прессы конца 80-х – начала 90-х гг.

Работа Л.Н. Цыбатова не только побуждает читателя к совместному с автором размышлению над процессами, происходящими в русской речи на наших глазах и так или иначе затрагивающими всех носителей русского литературного языка. Она приглашает задуматься и над формулировками, подходами и оценками, предлагаемыми в ней. При этом, естественно, российский читатель, а тем более читатель-философ, не со всем может согласиться.

Прежде всего необходимо отметить, что исследуемые автором процессы происходят не в русском языке в целом, как заявлено автором уже в заглавии работы, но лишь в одном из функциональных стилей русского литературного языка – в его публицистическом стиле, представленном текстами СМИ, в частности, газетно-журнальными текстами. Именно по отношению к этим текстам и мог бы быть уместен вопрос «Камо грядеши?» (с. 1). Однако следует иметь в виду, что эта формулировка при всей ее выразительности все же некорректна и по отношению к данному функциональному стилю, как, впрочем, и к любому другому. Ни один функциональный стиль не меняется сам по себе: он формируется, существует и реформируется в ходе осознанного отбора языковыми личностями (всем языковым коллективом либо той или иной профессиональной группой) соответствующих поставленным целям выразительных средств для создания текстов, в наличии и использовании которых эти языковые личности по тем или иным причинам заинтересованы. Когда же речь идет о публицистическом стиле, то языковые личности (журналисты) руководствуются при этом еще и стремлением использовать такие языковые средства, которые позволили бы максимально эффективно воздействовать на читателя в желаемом для данного СМИ направлении. При этом, отбирая языковые средства, специфические для данного дискурса (политического, спортивного и т.д.) в рамках публицистического стиля, журналисты учитывают общий уровень образованности и языковые ожидания того круга читателей, на который рассчитан данный орган печати, и в результате создают на

базе литературного языка своеобразный «вторичный» микроязык, специализированный вариант литературного языка, позволяющий порождать и однозначно понимать тексты определенного содержания, регулярно помещаемые в соответствии с ним на одних и тех же тематических полосах одного СМИ или многих, объединенных общей политической ориентацией. Естественно, что в словарный состав такого микроязыка в зависимости от потребностей обслуживаемого им дискурса могут включаться номинативные единицы не только собственно публицистического, но и других функциональных стилей, а также устных, в том числе и нелитературных, форм существования языка в той мере, в какой это не будет противоречить ожидаемому совокупным читателем языковому воплощению текстов данного дискурса.

Представляется, что именно эта особенность отношения участников дискурса к языку, в которой как раз и отражаются их межгрупповое взаимодействие, недостаточно учитывается автором в главе III, когда он сводит причины появления разговорной, просторечной, жаргонной и даже матерной лексики в текстах русской газетно-журнальной публицистики перестроечного и постперестроечного времени только к давлению некодифицированных подсистем русского языка на стандартный русский язык (с. 223, 228). Одного давления субстандартной лексики на речь носителей стандартного кодифицированного языка, т.е. ее знания и эпизодического или регулярного использования ими в соответствующих ситуациях, далеко не достаточно для ее появления на страницах периодической печати. Для того чтобы она там появилась, да еще в масштабах, вызвавших вполне понятное беспокойство образованной читающей публики, по крайней мере часть журналистов одного СМИ должна была быть готова употребить эту лексику в своих текстах, а часть читателей должна была быть готова воспринять ее появление в прессе как должное, тем самым признавая его вполне уместным. Такое одновременное совпадение взглядов хотя бы части журналистов и читателей на использование субстандартной лексики на страницах СМИ оказывается возможным в том случае, если и те и другие в равной мере – одни вполне осознанно, другие скорее интуитивно – оценивают ее употребление в печати как явно соответствующее тому феномену, который В.Г. Костомаров назвал языковым вкусом эпохи [Костомаров 1994: 21 и сл.]. Поэтому думается, что вопрос «Камо гряде-

ши?» следовало бы отнести именно к языковому вкусу некоторой части современных российских производителей и потребителей текстов публицистического дискурса.

Другим важным для работы Л.Н. Цыбатова понятием является понятие дискурса, который он определяет как виртуальный корпус текстов, составляемых в соответствии с определенным образом обоснованными критериями (например, с учетом временных, региональных, социальных или относящихся к природе медиума ограничений). Эти тексты соотнесены с какой-либо темой или с каким-либо понятием, а равно – эксплицитно или по крайней мере имплицитно – и друг с другом (с. 71). Автор рассматривает те или иные политические дискурсы как языковые проявления существования коллективных политических субъектов. В соответствии с таким пониманием политических дискурсов Л.Н. Цыбатов считает возможным говорить о наличии в рамках этого родового понятия его видовых спецификаций – дискурсов демократов, либералов, радикалов, западников, демороссов, консерваторов и т.д. (с. 72). Однако вопросу о языковых различиях между дискурсами различной политической ориентации уделено гораздо меньше внимания, чем он того заслуживает. Так, например, различия между дискурсом демократов и дискурсом консерваторов отнюдь не исчерпываются только различиями в значениях и толкованиях ключевых слов или разным отношением к архаизмам и церковнославянизмам. Сюда же можно было бы отнести, скажем, просматривавшиеся уже в начале 90-х гг. различия в степени использования субстандартной лексики или всевозможных острот, основанных на игре слов. К сожалению, эта сторона дела оказалась вне поля зрения автора.

Опираясь на понятие «дискурс» применительно к текстам российской прессы 1989–1993 гг., Л.Н. Цыбатов должен был бы, на мой взгляд, обратить внимание читателя на то, что далеко не все использованные им тексты относятся к политическому дискурсу. Так, текст «Автостопом по Европам. Трудно нашему жить по-ихнему», детально проанализированный на с. 165–181, или текст «Там, где пехота не пройдет», рассмотренный на с. 254–256, представляют собой соответственно путевые заметки и лирический монолог.

Остановлюсь на обсуждаемых автором процессах, протекающих в сфере текстовых жанров публицистического стиля и ведущих к изменениям в ней. Это прежде всего процессы смешения текстовых жанров, в

ходе которых, по Л.Н. Цыбатову, смешиваются: а) письменные текстовые жанры публицистического стиля и текстовые жанры устной словесности или текстовые жанры, существовавшие до 90-х гг. исключительно в устной форме, что, по-видимому, характерно для современного публицистического стиля в целом; б) текстовые жанры публицистического стиля и текстовые жанры научного стиля, что свойственно, по мнению автора, демократическому дискурсу; в) текстовые жанры публицистического стиля и религиозные, фольклорные (былина, сказка) текстовые жанры и текстовые жанры художественной литературы, что истолковывается как отличительный признак консервативного дискурса; и г) текстовые жанры дискурсов различной политической ориентации внутри публицистического стиля.

Автор нигде не дает строгого определения понятию «смешение текстовых жанров», и читатель, основываясь на лексическом значении немецкого существительного *Mischung* и его русского эквивалента *смешение*, вправе предположить, что Л.Н. Цыбатов имеет в виду процессы взаимопроникновения двух смешиваемых объектов, в данном случае текстов различной жанровой принадлежности, на всех уровнях структуры текста. Поэтому тем более неожиданным оказывается понимание автором этих процессов как одностороннего обогащения собственно публицистических текстовых жанров элементами других текстовых жанров, в частности, устных, бытующих в условиях неформальной коммуникации, или письменных, характерных, например, для научного стиля или художественной литературы (с. 235, 258, 259). Результатом такого однонаправленного контакта текстовых жанров различной стилистической принадлежности в рассмотренных автором случаях является проникновение в публицистические текстовые жанры иноstileвых лексического материала и (отчасти) синтаксических особенностей. Иначе говоря, речь может идти об изменении только на лексическом и в определенной мере на синтаксическом уровне, вызванных, если придерживаться видения этих процессов Л.Н. Цыбатовым, регулярным или эпизодическим подмешиванием иноstileвой лексики и иноstileвых синтаксических структур к традиционным литературно-языковым выразительным средствам, создающим общий фон публицистического дискурса.

Что же касается лежащей в основе каждого текстового жанра и тем самым

конституирующей его деятельности программы или деятельностного стереотипа (*Handlungsmuster*), то включение в текст иноstileвой лексики или предложений с необычными для данного текстового жанра синтаксическими особенностями не нарушает ее, и, следовательно, говорить в этих случаях об изменениях текстовых жанров как таковых (*Textsortenwandel*), с моей точки зрения, оснований нет. Особенно хорошо это видно на примере уже упоминавшегося и подробно проанализированного в работе в другой связи текста «Автостопом по Европам. Трудно нашему жить по-ихнему», который его автор сам совершенно справедливо отнес к традиционному для русской прессы и литературы жанру путевых заметок несмотря на обилие в нем субстандартной лексики (*бредятины, испаряться* в значении «исчезать», *тусовка, чернуха, сопляк, мандражить, чмо* и т.п.) и синтаксические конструкции типа *Не то слово; Так я же не врубаюсь; Всеми миру было наплевать на...*

Тем не менее тексты, обнаруживающие признаки разных текстовых жанров и на уровне деятельностного стереотипа, лежащего в их основе, также существуют. Однако, насколько я могу судить, в этих случаях имеет место не перенос отдельных коммуникативных речевых действий из одного деятельностного стереотипа в другой, как полагает Л.Н. Цыбатов (с. 239), а сопряжение двух деятельностных программ в границах одного текста. Таким текстом является, например, частично процитированная на с. 239–240 статья из «Независимой газеты», в начало которой встроен политический анекдот. К сожалению, нельзя пока что сказать, сколь часто российские журналисты обращаются к этому приему создания публицистических текстов и, следовательно, каков удельный вес таких текстов в современном общественно-политическом дискурсе.

Далее автор особо выделяет процессы возникновения новых текстовых жанров (*Entstehung neuer Textsorten*). К новым для российской прессы текстовым жанрам он относит наряду с листовками, лозунгами, предназначенными для скандирования на демонстрациях, политическими анекдотами, краткими изложениями партийных платформ, брачными и рекламными объявлениями (с. 258) комиксы, объединяющие в себе текст и изображение (с. 264), а также публикации, содержащие критику советской эпохи российской истории или полемику по вопросам современной политической жизни

(с. 257). Основную часть этого списка составляют текстовые жанры, которые действительно не были представлены в российской прессе до конца 80-х гг. Однако комиксы нельзя рассматривать как текстовый жанр, совершенно новый для российской прессы: истории в картинках часто печатались в популярных детских журналах советского времени, так что наполнить их новым содержанием было лишь делом техники. Выделение же последней (не конкретизированной!) группы публикаций как новых текстовых жанров исключительно на основе содержательного признака представляется мне искусственным, так как критику существовавшего политического строя или взглядов своих политических оппонентов могут содержать практически все традиционные текстовые жанры публицистического стиля.

Работа Л.Н. Цыбатова не свободна от недостатков фактического характера. Остановлюсь на некоторых из них. Так, нельзя усматривать в первом компоненте сложного существительного *бой-баба* обозначение того же денотата, на который указывает второй компонент, как это имеет место в случаях типа *мужчины-джентльмены* (с. 148). Если взятые порознь существительные *мужчина* и *джентльмен* сами по себе каждое обозначают человеческое существо мужского пола, то в случае *бой-баба* обозначением человеческого существа женского пола является только существительное *баба*, тогда как *бой* – в *бой-баба*, *бой-девка* обозначает не носителя качества, а некую совокупность положительных качеств, важных в повседневной жизни. Неверно относить к церковнославянизмам формы творительного падежа единственного числа существительных на *-ою* типа *охотою* (с. 260); они были и в древнерусском языке. Польские существительные типа *Glempizm* не являются патронимическими (sic!) дериватами (с. 281); в этом и подобных ему случаях они обозначают идейные и политические направления.

Отмечу некоторые досадные неточности, связанные с определением времени возникновения отдельных фактов русского языка, появление которых автор относит к последнему десятилетию. Так, производные слова *децентрализация*, *подземка*, *расформировать* существовали в русском языке задолго до периода, начавшегося в середине 80-х гг. (с. 221–222); их можно было найти уже в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова [Ушаков 1935: 701; 1939: 386, 1282]. Сокра-

щения *наробраз*, *компромат*, *хозспособ* также нельзя рассматривать как порождения наших дней (с. 222); первое из них отмечено уже в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» [ССРЛЯ 1958: 446], а остальные появились в русском языке не позднее 60-х гг. и использовались как в произведениях советских писателей на современные темы, так и в текстах публицистического стиля. Слова *авто*, *культуртрегер* были заимствованы русским языком еще до 1917 г. и зафиксированы в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова [Ушаков 1935: 10; 1939: 1547]. Английское *рейтинг* использовалось уже самое позднее во второй половине 70-х гг. в языке прессы по отношению к выдающимся шахматистам, участвовавшим в чемпионатах страны и мира [НСЗ 1984: 629], а с середины 80-х гг. лишь расширило сферу своего употребления.

Как было показано выше, рецензируемая книга дает повод и для плодотворных дискуссий с автором по общетеоретическим вопросам, имеющим для его исследования принципиальный характер, и для достаточно обоснованных претензий, касающихся фактических неточностей. Думается, что и то, и другое окажется полезным для Л.Н. Цыбатова, написавшего одну из наиболее солидных зарубежных работ на обсуждаемую тему, а ознакомление с его книгой представит бесспорный интерес и для отечественных русистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Костомаров В.Г. 1994 – Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994 (2-е изд. Афины, 1997).
НСЗ 1984 – Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1984.
РЯКДС 1996 – Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1996.
ССРЛЯ 1958 – Словарь современного русского литературного языка. Т. 7. М.; Л., 1958.
Ушаков Д.Н. 1935 – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I. М., 1935.
Ушаков Д.Н. 1939 – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. III. М., 1939.

М.В. Раевский